

расследованию и изъятию подверглась та же законопорока, которая трактовала о даху для разбирательства профессиональных военных преступлений и проступков (десертизм, неповиновение начальству и др.). Было решено в концы-концы увеличить в таких судах военных десант, с предоставлением обвиняемым права отвода судей. Социалистическая группа позвала против сохранения сивильных судов в такой бы то ни было форм и для разбирательства профессиональных проступков. Атака консерваторов была бы очень слабая, и иждивение из них даже поддерживало основный положений законопроекта в виду сдвига в реформы значительной части армии, на которую они так сильно амаль ссылались.

По свиданиям, полученным из Савонии, в Умео распространялись слухи, что Джавид-паша потерпел при жизни серьезное поражение. Потери турецких войск значительны. Как подтверждение этого слова, так и победного сообщения о происшедшем сражении пока не получено. На савонийский владостерия сферы выдвиге о неудачном исходе сражений Джавид-паша произошло утешительное впечатление. Указывают, что эскадрилья предприятия была — вверена наотзывным требованиям Константинопольского правительства постараться найти очу до мирного соглашения с вождями багдадскими инсургентами. Своими ртисельными и необузданными образцы действий Джавид-паша отбавил путь в пообную соглашение и сдался правление валийских репрессивных ирку против багдадского населения необходимым. Опавшего, что поражение отбавит Джавид-паша послужит сигналом ко всеобщему восстанию в Абании.

Доходы Абдул-Гамида. Неполно для ому назвать так деньги, наденные в Абдиль-Кисмет, так и принадлежавшие Абдул-Гамиду фонды, накопившиеся на хранение в иностранных банках, были оставлены из военного министерства в завооружающий Османского банка. Для ртиса этих громадных сумм была назначена комиссия, состоявшая из 7 гражданских чиновников, 2 офицеров и 1 хузовского ача. В присутствии членов комиссии чиновники банка сортировали и пересчитывали деньги. Золотыми монетами были наполнены 10 больших сундуков. Была еще большая сундука покуда не открыты; из них засыпаны были банкнотные билеты. Характерно, что турецкие монеты в 20 и 5 фунтов, почти не употреблялись в обращении, все были паиены из Абдиль-Кисмет. Они хранились в зеленых мешочках и мешках, по 20, 40 и 100 штук в каждом. Очевидно, что суммы играли роль «башмаш». На наибольшее «башмаш» по всей империи получали, конечно, сам Абдул-Гамид. История проваши—Вагдал, Басра, Сирия, Бейрут и Сиврия—упаивала свои подходы лишь в сеть цивильного даяа бывшего повелителя провинции. Кроме этого, Абдул-Гамид получал от таможенного управления ежегодно 200 тыс. фунтов, и еще более крупная сумма из министерства земледелия, от префектуры, от портового управления и т. п. Министерство финансов ежегодно выдавало султану 50 тыс. фунтов, как прибавку к цивильному даяу. Но и помимо этого, от каждого займа, заключающегося империей, известной, весьма крупный процент поступал в распоряжение султана. Колоссальные суммы, выдававшиеся иностранными капиталистами с целью получить в них свои концесии в преддвигавшихся им для «сизан» дворянских чиновников, в действительности попадали в карманы Абдул-Гамида. Султанские камергеры и секретари получали из цивильного даяа этих займов, а также часть доходившая султану. А, между тем, общественное мнение негодовало по поводу того, что турки не мохреть оккупировать столь «прозрачные» прибавки к цивильному даяу. Еще более характерно для Абдул-Гамида является то обстоятельство, несмотря на свое колоссальное богатство, он был крайне несправедлив, неблагодарен и должен был. Так, например, братья Абдула, знаменитые французские побиетские агенты, выписанные Абдул-Гамидом из Парижа специально для охраны его безопасности, по дичью

L

заключились, когда за нею четверою открылась дверь новой палаты.

Почти прошла. Наступала следующая дека. Несамым постылым бродил он по улицам города, загадываясь скрывавшими вь она, слоню сирванми: «Что принесла вамъ почтъ? Заглянувъ въ и въ ту комнату, гдѣ Идана встрѣтила себя случайно. Тутъ жила попрежнему. Что же могъ онъ расчитывать увидѣть здѣсь, въ этой тихой комнатѣ. Женщину, по сѣмъ или названу грѣшную по своимъ счастіямъ. Ничего подобнаго восхитилъ не былъ, заглянувъ въ эту комнату, не увидѣлъ. То, что онъ увидѣла, была женщина, судившая поутраченную, съ отчаяніемъ выраженіемъ лица, на стулѣ у постели, и эта женщина была—Идана Айхмисеръ.

Нѣтъ ужасное переживала она въ эту ночь.

Теперь она сидѣла въ холодномъ полушарѣ разбитой своей постели, думая надъ, что произошло, и раздумывая о томъ, что будетъ и что дѣлать дальше. О настоящемъ раздумывала, впрочемъ, не могла быть въ виду. Одна мысль заслоняла собою всѣ остальные: то было сознаніе, что она ошибалась, и ошиблась жестоко. Она считала ихъ братъ союзомъ двухъ существъ, не разделяющихъ и не требующихъ отъ семейнаго жнана того, чего ждуть, отъ нея патрістическое чувственность юды. А въ эту ночь она поняла, что онъ требуетъ отъ жнаны столько же, если не больше, нежели прочіе люди. Одна фраза его такъ и столела у нея въ ушахъ: «Ты моя жнана, что же это значитъ, что ты бѣжишь отъ меня?» Она съ отчаяніемъ ломала слонъ крупицъ, топкая, съ гоубами жнаными, руки. Читая же кончатся все это? Съ безпощадною очевидностію для нея было ясно одно: что того, чего онъ отъ нея требуетъ, она никогда не сможетъ ему дать, никогда.

(Прод. слѣд.).

...живающий в доме № 136
Екатерининскому каналу, заявляет в
б. смыслину полицию об утерянном
рфзель с 5,000 р. провадом по Галер-
и ул. в. главный почтасть.

